

Олег Лукьянов

НЕИРИЧЕСАННЫЕ РАССКАЗЫ

16+

Олег Лукьянов

Непричесанные рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Лукьянов О. П.

Непричесанные рассказы / О. П. Лукьянов — «ЛитРес:
Самиздат», 2006

Замысел этой книги вызревал долго. Даже очень долго. Но, наверное, всему свое время. О чем эта книга? Да, так, ни о чем. Просто несколько зарисовок событий, участником и свидетелем которых в свое время был автор. Который, впрочем, вполне отдает себе отчет, что интерес эти рассказы представляют прежде всего для непосредственных участников этих событий. Ну, может еще для тех, кто хорошо знал этих самых участников. Тем не менее, автор тешит себя надеждой, что рассказы могут оказаться интересны и кому-нибудь еще. Вот на этих самых «кому-нибудь» книга и рассчитана.

Содержание

Вступление	5
Военка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вступление

Собственно, никакого вступления я вообще писать не собирался. Делаю этот отважный шаг только потому, что еще в пятом классе учительница по литературе, Дина Львовна – светлая ей память – на века вбила нам в головы, что любое сочинение должно состоять из вступления, основной части и заключения. Ну, значит, так тому и быть!

А вот о чем в этом самом вступлении говорить – это проблема! Ну, к примеру, скажу о том, что книга эта (да простит меня читатель, если он, конечно, вообще у этого творения будет, за столь высокопарное его наименование), так вот, книга эта о... Да, действительно, сказать о чем, практически невозможно.

Наверное, о том, что в жизни нашей в любой ситуации есть место смешному и грустному. О грустном писать как-то не хочется, поэтому попробую рассказать несколько довольно забавных (на мой взгляд) историй.

Связаны ли они между собой? Отчасти, да. Во-первых, автор – неременный участник всех этих приключений. Во-вторых, многих из героев этих непричесанных рассказов вы будете встречать на страницах неоднократно. В-третьих, большинство из них – очень неплохие люди.

Клянусь, что все написанное в этой книге – истинная правда, хотя... Обязан предупредить, что все совпадения с реальными для кого-то случаями являются, простите за невольный каламбур, чистейшей случайностью. И вообще, я никого не хотел бы обидеть.

Вот, собственно, и все вступление. Переходим непосредственно, как говаривала Дина Львовна, «к изложению основной части».

Да, кстати, не объяснил ведь, почему рассказы непричесанные. Дело в том, что речь в большинстве из них пойдет о временах студенческих, а в те благодатные семидесятые годы стрижка у меня была... Собственно, никакой стрижки не было вообще, была огромная копна нечесаных волос. Вот и рассказы получились непричесанные.

P.S. А в качестве приложения к рассказам читатель, во-первых, увидит некоторые иллюстрации автора (нарисованы они были в далекие студенческие годы во время лекций в тетрадах с конспектами. В таком виде, ничего не исправляя, я их и оставил). Ну, а во-вторых, осмелюсь опубликовать некоторые из своих стихотворных опусов. Все они не слишком серьезны, вернее, совсем несерьезны, так что вполне могут быть отнесены к разряду непричесанных.

Вот теперь все.

Военка

Я думаю, каждый представитель мужского пола, кто когда-нибудь учился в каком-либо ВУЗе, знает, что такое военка. Для оставшейся части человечества объясню, что так назывались (да и сейчас называются) занятия на военной кафедре. Там из гражданских оболтусов один раз в неделю в течение трех лет пытаются сделать подобие военного человека, называемое офицером запаса.

Но сначала надо растолковать, как мы на этой самой военке оказались. Прежде всего, я со товарищи, в 1973 году стал студентом не «какого-нибудь ВУЗа», а УНИВЕРСИТЕТА.

Это сейчас никого не удивишь гордым названием «университет» или «академия». Но мы-то – ха – выпускники НАСТОЯЩЕГО УНИВЕРСИТЕТА!!! Да не просто так, а философского факультета.

Надо прямо сказать, что на философский факультет народ пришел разный. Где-то процента три составляли худосочные юнцы и девицы, с трехлетнего возраста всем книжкам про колобка предпочитавшие «Науку логики» Гегеля. Кстати говоря, практически никто из них до финишной прямой, то бишь, до диплома, так и не добрался – по причине умственных недомоганий, приведших некоторых из них в «желтый дом». А нечего Гегеля читать! Он-то сам, небось, не читал того, что выходило из-под его шаловливого пера. Чукча не читатель, чукча – писатель!

Среди оставшихся девяноста семи процентов значительную часть составляли ярко выраженные «гуманитарии», из всей математики усвоившие только таблицу умножения до семи и с трудом представлявшие, кто такой Ньютон, зная лишь, что он каким-то образом связан с яблоками. Значит, технические ВУЗы отпадали по определению. В то же время, понимая, что поступить на юридический факультет им не светит из-за фантастического конкурса (причем, не только и даже не столько знаний), люди рванули туда, о чем имели самое отдаленное представление. Зато как звучало – философия! В любой компании можно разглагольствовать о чем угодно – все равно никто ни черта не поймет! Кстати говоря, подавляющее большинство из них сегодня – кандидаты, доктора философских наук, профессора... Правда, я сильно подозреваю, что и сегодня их понятие о науке, которой они посвятили свою жизнь, осталось примерно на том же уровне, как и в дни их абитуриентства. Если ошибаюсь, всемилостивейши прошу меня простить. О себе могу сказать твердо – понятия не имею, что такое философия!

Многим грозил призыв в армию, поэтому поступать было абсолютно все равно куда. Я, например, поступал в два военных училища, ни в одно не прошел по зрению (подозреваю, что и по прическе тоже) и вскочил, что называется, в последний вагон уходящего поезда.

На первом же занятии все мы узнали Достоевского. Не писателя, нет, но личность настолько выдающуюся, что о нем стоит рассказать несколько подробнее, тем более, что в историях наших сыграет он немаловажную роль. Фамилия у него была, естественно, совершенно другая.

На первом же занятии на вопрос милейшей женщины, которая пришла выяснить у рвущихся в науку юных философов, а почему, собственно, они сюда забрели, сей достойный муж немедленно заявил, что на философский факультет он пришел совершенно сознательно, так как любимым его писателем является Федор Михайлович Достоевский. Познать его философию – наша задача!

Сам Витя (так звали нашего Достоевского) в университет приехал из деревни Колышкино, внешность имел соответствующую, характер – тоже (крестьянский, отчасти даже куркульский), а из всех произведений Федора Михайловича, как потом выяснилось, был знаком только с кратким сюжетом «Преступления и наказания», вычитанным в школьной хрестоматии. Что нисколько не помешало ему впоследствии стать доцентом одного из ВУЗов. Впрочем,

Достоевский (который Витя) – личность настолько уникальная, что ему следует посвятить особую главу, что я и собираюсь сделать.

Ну ладно, ближе к теме, означенной в заголовке. Так вот, о военке. Очень скоро мы узнали, что всем нам предстоит обучение на военной кафедре. Это сегодня на военную кафедру рвутся толпы студентов с единственной целью «откосить» от службы в наших доблестных Вооруженных Силах. Экзамены сдают, взятки предлагают (заметьте, я не написал, что их берут!), лишь бы их зачислили на столь желанную кафедру.

Нас брали всех скопом. При том, что добрая половина ребят уже отслужила в армии, и занятия на военке им, очень мягко выражаясь, были глубоко до... Ну, не знаю, до чего. До чего-то очень глубокого.

Поэтому главной проблемой офицеров военной кафедры было хоть как-нибудь собрать контингент на занятия. Не тут-то было! В округе работали 7 (семь!) пивных заведений, и выгнать нас оттуда представлялось задачей неразрешимой. Но только первое время. Очень скоро именно военная подготовка стала нашим любимым предметом, а пятница – день занятий по военной подготовке – самым светлым днем в студенческой жизни!

На первом же занятии, когда мы хором скучали в аудитории, совершенно не представляя, чем бы заняться, к нам вихрем ворвался начальник цикла тактики полковник, ну, скажем, Сохатый. Почему Сохатый? Да просто потому, что фамилия у него была совершенно иная, хотя в определенной степени и связанная по своему звучанию с лесным красавцем. У нас у он проходил под кодовым названием «Олень».

– Я с вами уже беседовал? – грозно осведомился он, мигом напомнив нам пресловутого гашековского подпоручика Дуба.

– Нет, не беседовали.

– Во-первых, надо представляться – студент Пупкин.

(Почему именно Пупкин является столь распространенной фамилией в армии, до сих пор не понимаю. Но заверяю вас, что везде и всюду в войсках офицеры предлагают представляться подчиненным именно так).

– Во-вторых, не нет, а никак нет – улавливаете разницу?

Попробуйте находясь в здравом уме и трезвом рассудке уловить разницу между «нет» и «никак нет». Может, он мог с нами беседовать «как-то нет»?

Далее полковник резво подбежал ко мне (опять эта прическа. У военных, особенно старших офицеров, на длинные волосы – идиосинкразия).

– Вы, вот вы – как вы сюда попали?

– Куда? – недоуменно осведомился я.

– Студент..?

– Студент.

– Да знаю, что студент, – взревел Олень, – студент Пупкин надо говорить.

Ну, что тут будешь делать? Представился.

– Я спрашиваю, как вы попали в это заведение?

– Как и все, сдал экзамены, поступил...

Оборван я был уже в самом начале моего объяснения.

– Нет, вы не поступили, вы с заднего ходу пролезли! (Вот тебе и раз! Приехали, это называется). – Я вот уже пять минут смотрю на вас, и никак не могу понять, чем вы занимаетесь?

Поскольку я, как и все, не занимался совершенно ничем, то абсолютно не мог врубиться, что он нашел для себя непонятного? Ну, да ладно, промолчим, поглядим, что дальше будет.

А дальше была выдана тирада, достойная скрижалей истории.

– Пока вы отсиживаете здесь свои задницы, наши доблестные пограничники по двадцать четыре часа в сутки сухари жуют!

С этими словами Олень вылетел из аудитории. Беседа была закончена.

Мы ошарашено молчали. Представив себе доблестных пограничников, сутками жующих заплесневевшие сухари, хотелось рыдать и немедленно послать на погранзаставу посылку с чем-нибудь домашненьким. Общее мнение выразил Достоевский: «Ну, ни хрена себе!».

Мы были с ним абсолютно согласны. Однако вывод напрашивался единственный – скучно на военке не будет! И мы в своих ожиданиях не обманулись.

Уже на следующем занятии по огневой подготовке некий майор совершенно потряс нас, заявив, что мишень представляет собой КВАДРАТ со сторонами двадцать пять на тридцать сантиметров! Оба-на! Гуманитарии-то мы гуманитарии, но чтобы одной аксиомой спустить в унитаз всю геометрию Евклида и Лобачевского!?

Когда Достоевский с крестьянской непосредственностью спросил у того же майора, что лучше – ППШ или «Шмайсер» (для читательниц женского пола поясню, что это автоматы такие времен Великой Отечественной), мы думали, майора хватит апоплексический или какой-нибудь еще удар! Минут пять он молча разевал рот, очевидно, формулируя ответ. И, наконец ответил, да еще как!

– Этими своими вопросами, товарищ студент, вы показываете всю даль..., – дальше минутное обдумывание продолжения, – от своей любви к военному искусству!

Господи, ну куда там Гегелю сварганить такую фразу!

Тактика. Подполковник объявляет тему занятия: «Маневр». Долго объясняет нам, неразумным, что маневры бывают разные, в частности «обход» и «охват». С подкупающей искренностью он признался.

– Ребята, все равно вы разницу между обходом и охватом сразу не усечете. Я вот сам только совсем недавно понял. (А надо заметить, что в армии к этому времени сей подполковник отбарабанил уже лет двадцать). Так вот, поймите: обход – это ногами, а охват – это руками. Значит, охват ближе, ведь руки-то короче!

Да, интересная наука – тактика. Это вам не философия какая-нибудь, тут думать надо. Мы с нетерпением ждали продолжения военных откровений. И мы их дождались! Да еще каких! Эта история носит кодовое название «Лючок».

Дело в том, что уже упоминаемый мною полковник Олень крайне редко проводил у нас занятия. Но если уж проводил – то тут уж, как говорится, одно из двух – либо скука смертная, либо цирк, КВН и Аркадий Райкин одновременно. А суть вот в чем. На занятия полковник приходил с пачкой пожелтевших листов, называемых конспектами, и начинал нам диктовать, что называется, «под запись» всякую муру. И пока он не отрывался от своих бумажек, мухи дохли от скуки. Но стоило ему оторваться... Это, как говорят в Одессе, две большие разницы!

А отрываться приходилось. Читал он нам как-то лекцию по политподготовке и рассказывал (вернее, зачитывал) о битве под Москвой. И надо же такому случиться, что в тексте встретилось выражение «фашистские полчища». Выговорить это Оленю было все равно, что за ночь выучить китайский язык. Нет, слово «фашистские» у него еще сносно выговаривалось, но вот дальше... Звучало это примерно так.

– Когда фашистские полчтеца... Когда фашистские поштелца... Когда фашистские полчита... Короче говоря, когда эти гады подошли к нашей столице...

И далее по тексту.

Так вот, про лючок. Тот самый случай, когда без бумажки...

Как всегда, ворвавшись в аудиторию и выслушав наше нестройное приветствие, Олень объявил.

– Всем спрятать тетради. Никому ничего не записывать – тема секретная!

(На самом деле это полный абсурд, так как к тому времени никто из нас допуска к секретным материалам не имел, да и тема была, как выяснилось позже, самая что ни на есть обыкновенная).

– Итак, тема занятия – организация танковой роты. Слушайте и запоминайте.

Олень бодро начал читать по бумажке.

– В танковой роте 10 танков, один из них командирский, в танке экипаж из четырех человек. Всего в роте сорок один человек.

Ну, после «мишенного квадрата» нас вообще трудно чем-нибудь удивить, однако Достоевский с присущей ему наивностью (ой ли?) вытянулся в струну, представился по всей форме и задал вопрос, который и заставил бедного Оленя оторваться от конспекта.

– Товарищ полковник, а вот если в танке четыре человека, а танков десять, то где же сорок первый?

Ну, понятно, мы же все с незаконченным высшим образованием! Несчастный полковник впился глазами в свои бумажки, но увы... Ну не было там ничего про сорок первого! Тогда Олень начал проявлять чудеса математики. Повернувшись к доске, он тщательно – сначала в строчку, а потом в столбик – минут пять пытался получить нужный результат, умножая то четыре на десять, то десять на четыре. Увы! Сорок один не получалось.

Утерев пот со лба, полковник начал вдохновенную импровизацию.

– Очень правильный вопрос задал товарищ студент. Еще раз предупреждаю – сведения секретные.

Так вот, сорок первый – это командир роты. Я же говорил, что один танк – командирский. Это не простой танк, а специальный. В нем оборудован специальный лючок, в котором командир и ездит.

Довольный собой, полковник собирался вернуться к своим спасительным бумажкам. Шалишь, брат! Не на таковских напал. Достоевский не унимался.

– Товарищ полковник, а что, такие лючки только в одном танке, или во всех есть?

– Ну, я же ясно сказал – танк командирский, специальный, оборудованный специальным лючком.

– А если танк подобьют, куда тогда командиру деваться? – не унимался Достоевский.

– А если подобьют, то и командир погибнет, и никуда деваться ему уже не надо будет! – не на шутку разозлился Олень.

Надо сказать, что к этому моменту все мы уже давно буквально лежали, уткнувшись носами в столы, и давились от хохота. А Достоевский не унимался.

– Ну, а если не подбили, а просто сломался танк, куда деваться командиру роты?

Ответ Оленя нас потряс до глубины души.

– Советские танки не ломаются!

Апофеоз советского танкостроения!

Атмосфера накалилась до предела. Масла в огонь подлил Дехтяр, который два года оттрубил в танковых войсках.

– Товарищ полковник, а вот я полтора года был механиком-водителем танка командира роты. Так у нас никакого лючка не было, командир был четвертым членом экипажа – командиром танка.

Да, это был удар ниже пояса. На Сохатого без боли нельзя было смотреть. Да мы и не смотрели, мы продолжали давиться от смеха, стараясь при этом не поднимать голов и не издавать громких звуков.

Но не таков наш полковник, чтобы признать свое поражение! Минуты хватило ему, чтобы прийти в себя. Хлопнув по лбу, он рассмеялся и сказал.

– Ну, ребята, совсем вы меня вопросами с толку сбили. Ну, конечно. Это во время войны на наших танках были специальные лючки для командиров. А сейчас-то их, конечно, давно нет. Командир роты, как вы совершенно справедливо заметили – четвертый член экипажа и одновременно является командиром танка. Вот и все.

Полковник Олень победно оглядел рыдающую от смеха аудиторию. По всему было видно, что он чрезвычайно доволен собой.

И тут... Ну, конечно, опять влез Достоевский, вернувший дискуссию к своему истоку.

– Товарищ полковник, так, а сорок первый-то кто тогда? И где он ездит на войне?

Побагровевший Олень взглянул на Достоевского, как на злейшего врага. Надо было что-то отвечать. И полковник не подвел, добив нас окончательно.

– Сорок первый в современной армии, – значительно сказал полковник, – это старшина роты. А ездит он при обозе!

Звонок прервал это занятие, которое – клянусь – было самым впечатляющим в моей жизни.

Выходя из аудитории, Олень столкнулся с нашим курсовым офицером майором Чернием.

– Ну как, товарищ полковник, мои вам показались?

– Ничего, молодцы, любознательные, интерес к военному делу проявляют. Вопросами так просто замучили, стервецы.

Скажи, читатель, ну могли мы пропустить хоть одно занятие по военной подготовке? Да ни в жизнь!

Самое время вспомнить, что пишу я не роман, и даже не повесть и каким-то образом выбираться на финишную прямую. А финишная прямая – это, конечно, двухмесячные сборы под славным городом Урюпинском, куда нас привезли, чтобы окончательно сделать из нас офицеров. Ах, этот палаточный лагерь в соснах! Два месяца жизни, может быть, слегка напоминающей военную.

Чем напоминающую?

Ну, во-первых на нас надели солдатскую форму – причем на всех разного образца. Мне из-за моего роста (капитан баскетбольной команды, как-никак) досталась, по-моему, вообще времен первой мировой войны. При этом один сапог был у меня сорок четвертого размера, а второй – сорок шестого. Причем, без каблучков. Ну, так уж получилось.

Во-вторых, назначили нам командиров рот и взводов из числа офицеров местной части. Ну, увидели мы их в первый день, когда они нам представлялись, и в последний, когда прощались, и мы выставили им по бутылке водки. Действительно, на кой черт мы им нужны, если у них в своей части дел по горло, а тут какие-то студенты!

В-третьих, нас стали ставить в наряды. Наряды бывали разные – по кухне, по роте, в караул. Да мало ли чего нам только не придумывали, что бы хоть чем-то занять! А мне, надо заметить, присвоено было звание младшего сержанта, и назначен был я командиром отделения – это вам не хухры-мухры! Посему в наряды я ходил не каким-то там дневальным, а дежурным... Ну, или помдежем.

Так вот, начали мы свой лагерь «облагораживать».

А лагерь – это пятнадцать огромных (на десять кроватей каждая) палаток. И начальству нашему (без Оленя, конечно, не обошлось) пришло в голову, что лагерь наш надо облагородить. Ну, как-то неблагородно выглядит наш лагерь. Идея первая – все палатки по периметру, а также дорожки между ними утыкать сосновыми шишками.

Верх благородства!

Вот так меня одели!

Трое суток собирали мы шишки и тыкали их «по периметру». Утыкали, однако. Чем же нас еще занять-то?

Решило начальство, что шишки – это хорошо, но недостаточно. Еще чегой-то не хватает.

И тут студент Васин – что б ему пусто было – докладывает Оленю, что неподалеку – километров шесть – его, Васина, стараниями обнаружена яма с красным песком. Представляете? Везде в лагере песок желтый, а в яме – красный.

Олень так увлекся идеей облагораживания лагеря красным песком, что даже забыл поинтересоваться, а за каким, собственно, лешим Васин за шесть километров от лагеря намылился. А намылился он, честно говоря, в село за портвейном. Ну, да Бог с ним. Портвейн к тому времени уже давно выпит был.

И вот: «Рота, равняйся! Смирно! Слушай боевой приказ. В вещевых мешках и других подручных средствах натаскать красного песка и посыпать им все дорожки. Вольно!»

Вот где благородство поперло. Еще трое суток за шесть километров (туда и обратно, сами понимаете – двенадцать), проклиная Оленя, Васина и их ни в чем не повинных матерей, таскали мы этот красный песок и посыпали им дорожки. Длинные оказались, заразы!

Ну, посыпали, дальше что? На то оно и начальство, чтобы думать. И придумало.

– Среди красного песка шишки вид свой потеряли. Не видны они что-то. А ну-ка, орлы-богатыри, разведите серебрянки и покрасьте все шишки, которыми дорожки и палатки утыканы.

Батюшки-светы! Ну, давай теперь шишки красить. Еще три дня красили. Как раз через три дни такой ливень шандарахнул, что не то, что шишек видно не стало – песок красный от желтого не отличишь! Зато лагерь облагородили.

Кстати о дожде. Был у нас майор один, Кушнарь мы его звали, так вот казалось ему, что дежурные и дневальные по ротам и сборам слишком много бездельничают. И написал он недрогнувшей рукой инструкцию, согласно которой помощник дежурного по сборам дважды в сутки – в шесть часов и в двадцать два часа – обязан из шланга поливать дорожки в лагере, что б, значит, пыли было поменьше. Вообще-то, идея здравая, если ее не доводить, скажем, до логического конца. Стою я как-то помощником дежурного по сборам, народ по палаткам разбежался, ибо дождь поливает со страшной силой.

Ровно в двадцать два часа, когда я, развалившись на койке в палатке дежурного, упоительно читал... Хотел написать – какого-нибудь Шопенгауэра, но обещал писать правду. Так что, скорее всего, что-нибудь из фантастики. Братьев Стругацких, очевидно. Значит, пока я упоительно чего-то там читал, а может и просто дремал, в палатку зашел Кушнар и сурово спросил.

- Товарищ младший сержант, почему нарушаете инструкцию?
- Виноват, товарищ майор, но я не сплю...
- Что вам положено делать в двадцать два часа?
- Отбой объявить, так я уже...
- Вам положено территорию поливать согласно инструкции.
- Так ведь дождь...
- Вы инструкцию читали? Там про погодные условия хоть что-нибудь сказано? Немедленно выполняйте!

Как говорится, матч состоится при любой погоде!

Надо вам сказать, что самой большой проблемой отцов-командиров было утром осуществить подъем личного состава, который растягивался иногда на целый час. На истошные вопли дневального: «Сборы, па-а-адем!» сборы реагировали своеобразно... В смысле – никак не реагировали. Первые ласточки выползли из палаток минут через пятнадцать. Короче говоря – подъем – дело серьезное, обстоятельное и длительное. Но в этот вечер... Все пять взводов, как один человек, в течение пятнадцати секунд выскочили из палаток, чтобы посмотреть, как один придурок под проливным дождем из шланга поливает дорожки, а другой... гм... Да чего там, тоже придурок, его работу внимательно контролирует. Одним из этих придурков был, к сожалению, я. И я не контролировал работу!

Конечно, кое-чему на сборах нас даже пытались учить, но как-то эпизодически, что ли. Была у нас обкатка танками. Это когда тебя засовывают в окоп, дают в руку гранату (учебную, учебную, т. е. деревянную) и подробно инструктируют, что должен ты схорониться (тьфу, слово-то какое) на дне окопа и ждать, когда через тебя танк проедет. Ага, веселое дело! А потом, значит, выскочить из окопа и вслед танку гранату зафундолить, уничтожив тем самым супостата. В реальности же пока я из окопа выбрался – в смысле, просто поднялся – танк урыл километра на полтора, так что гранатой я его поразить не смог. Не совершил такого геройского подвига.

Были у нас и двухдневные учения, когда, хоть и холостыми патронами, но настрелялись мы вдоволь. Кто б еще нам при этом сказал, что после такой стрельбы неделю автомат чистить надо! Ага, стрелял бы я тогда, как же!

Во время учений ночевали все прямо в поле, завернувшись в плащ-палатки. При этом Олень нас долго инструктировал, что самое главное – не прое... ну, это, не остаться без автомата, поскольку специальный взвод разведчиков из соседней части получил спецзадачу – выкрасть у спящих студентов десяток автоматов. Кто выкрадет – пойдет в отпуск, у кого выкрадут – пойдет под трибунал. Новое дело!

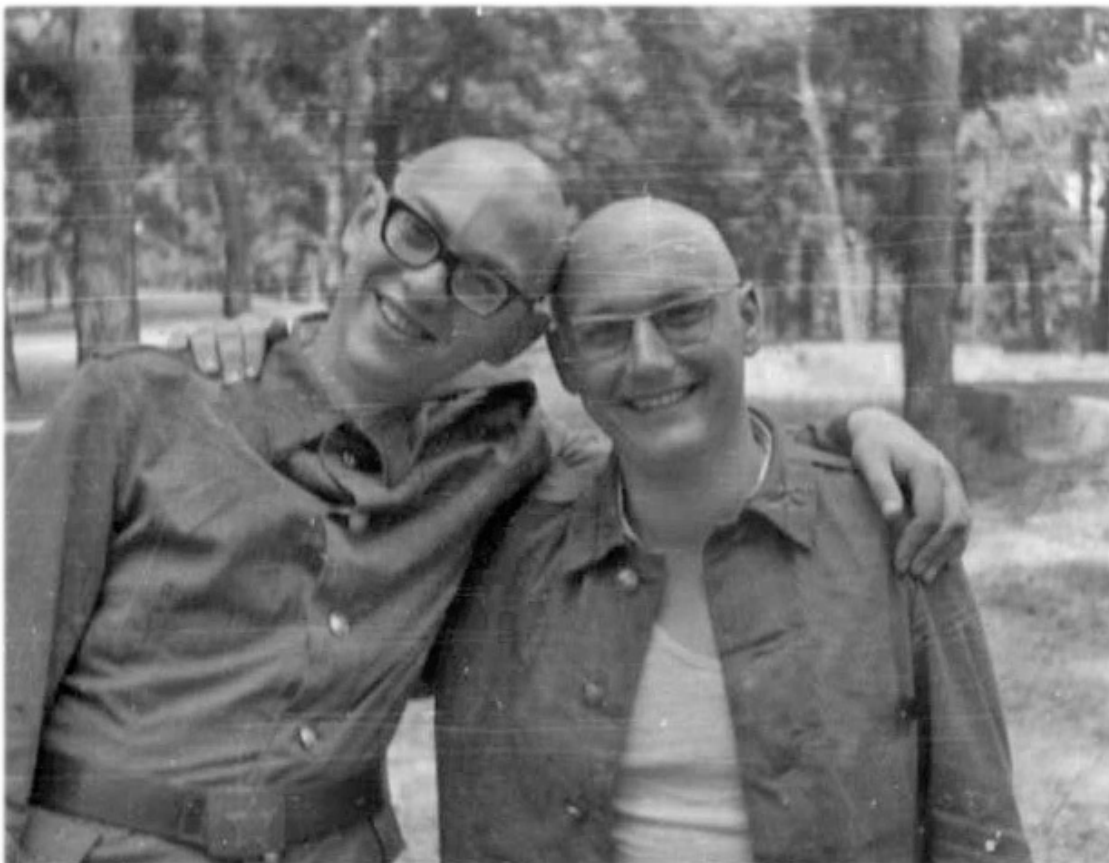
Поэтому ночью выставили дозоры. Я пошел в паре с Лешкой Литвиновым. А надо вам сказать, что у меня и так-то зрение ни к черту (я уже писал, что меня по этой причине в училища военные не приняли), так еще и куриная слепота. В общем, в темноте я ни черта не вижу. Лешка сначала думал, что я выделяюсь, но когда я на полном ходу носом врубился в стоявший (какой дурак его там поставил!?) бронетранспортер, расшиб при этом нос и разбил очки, он понял, что шутки кончились.

Ухватив меня за ремень, что бы не потерялся (я, а не ремень), Лешка потащил меня к нашему – чему? – биваку, наверное. В общем, где все спали. Первым делом, когда мы туда доплелись, я умудрился наступить на чье-то тело. Тело это оказалось студентом Маснюком (сто пятнадцать килограммов живого, но спящего веса). Очевидно, мое присутствие телу не понравилось, поскольку оно активно зашевелилось. Пытаясь удержать равновесие, я начал изображать что-то вроде чечетки, последние па которой закончились уже на голове бедного Маснюка. Тут он взревел, вскочил, тут же упал, запутавшись в плащ-палатке, опять вскочил. Я, естественно, пушинкой отлетел в сторону и собирался ретироваться, но не тут-то было. Я ожидал всего – дикого мата в первую очередь, но вместо этого насквозь заинструментированный Маснюк, подняв какую-то дубину, грозно двинулся на меня, приговаривая:

– В отпуск захотел, сука? А я, значит, под трибунал? Отдавай автомат, а то пришибу.

С этими словами он пытался вырвать из моих рук мой собственный автомат, с чем уже я был категорически не согласен. Спасибо, Лешка подоспел, а то Бог его знает, чем бы все кончилось. Ведь до смертоубийства могло дойти!

Когда наши сборы уже приближались к своему финалу, то есть, госэкзаменам, в моей жизни произошло наиважнейшее событие. Сын у меня родился (не на сборах, а в Ростове, естественно). Во как!

Мы с Маснюком помирились!

Надо сказать, что кроме меня еще человек пять с нетерпением ожидали подобных событий в своей жизни. И, воспользовавшись предложением ожидаемого пополнения своих семей, с первого дня канючили у Оленя, чтобы их поскорее отпустили домой, ибо жены их ну, никак не в состоянии разродиться без отцовского присутствия. Олень терпеливо от них отбивался, но вскоре ему это надоело, и разговоры на данную тему он категорически пресек.

Я ему не надоедал, я вообще никому, кроме друзей, не говорил ничего о предстоящем рождении ребенка. Да и родиться, по моим подсчетам, он должен был в сентябре, то есть после нашего возвращения. Но, как говорится, человек предполагает... Ну, сами знаете.

Так вот, однажды воскресным дождливым утром 21 августа мы лениво потягивались в койках, не имея никакого желания вылезать из палаток. Да никто нас и не беспокоил в честь выходного дня.

В нашу палатку просунулась голова Мишки Розина, который каким-то задумчивым тоном сообщил мне, что меня срочно вызывает в столовую Олень.

Делать нечего, чертыхаясь, оделся и побрел под дождем в столовую. Там возле чайника с кипятком восседал Олень в окружении еще нескольких офицеров. Первое, что он сделал – это предложил мне чаю! Начало совсем нетривиальное, надо сказать, так что я несколько насторожился. Затем Олень поинтересовался, не было ли у меня в роду скоропостижных смертей от апоплексического удара, ну, или чего-то подобного. Настороженность моя превратилась в серьезную тревогу. Наконец Олень, посчитав, что увертюра исполнена, протянул мне телеграмму, которой меня извещали (и поздравляли) с рождением сына мои родители. Это была бомба!!!

Я впервые понял (причем, не сразу), что означает выражение «Потерять дар речи»! А Олень, поздравив меня и похвалив за то, что не приставал к нему с просьбами отпустить меня в качестве родовспомогателя домой, объявил, что экзамены я сдам досрочно и буду незамедлительно отправлен домой к сыну. При этом было сделано существенное замечание, которое я благополучно пропустил мимо ушей, а именно: в категорической форме Олень запретил «использовать во время празднования спиртные напитки» (передаю фразу дословно)!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.